

ФРАГМЕНТЫ
УЙГУРСКОЙ
ВЕРСИИ
БИОГРАФИИ
СЮАНЬ-ЦЗАНА

Транскрипция, перевод, примечания,
комментарии и указатели

Л. Ю. ТУГУШЕВОЙ

*Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980*

91 (09)

Ф 82

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ответственный редактор
А. Н. КОНОНОВ

Издание содержит первую публикацию уникальных фрагментов древнеуйгурского сочинения X в. из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР — литературного переложения биографии известного путешественника VII в. Сюань-цзана.

Ф 20901-016 148-80. 1905020000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

Падение Уйгурского каганата и последовавшее затем образование уйгурского государства Кочо в бассейне р. Тарим послужили толчком к возникновению в этом районе своеобразного очага культуры, расцвет которой предположительно может быть отнесен к X—XI вв. Открытие письменных памятников в Восточном Туркестане в конце прошлого — начале текущего столетия позволило установить, что культура тюркоязычного населения государства Кочо — уйгуров — развивалась в тесной связи с культурой других народов, населявших Центральную Азию; литература, получившая распространение в Центральной Азии в указанную эпоху, была освоена в известной мере и трансформирована уйгурами в соответствии с их языковыми и литературными традициями, составив особый пласт тюркоязычной литературы — древнеуйгурскую литературу.

Одним из выдающихся произведений этой литературы является уйгурская версия биографии китайского путешественника VII в. Сюань-цзана, составленной его учениками Хуэй-ли и Янь-цунем¹. Отдельные части уйгурской версии «Биографии», найденные в свое время в Восточном Туркестане [см. Hüen I, с. 4(152)], ныне хранятся в Париже и в Пекине.

В процессе работы над фондом древнеуйгурских памятников рукописного собрания ЛО ИВАН СССР мне посчастливилось обнаружить до сего времени неизвестные фрагменты этого ценного памятника, но каких-либо материалов, позволяющих установить, кем и когда они были доставлены в Петербург — Ленинград, пока не найдено.

Первые публикации отдельных частей памятника были осуществлены А. фон Габен в 1935 и 1938 гг.² (фрагменты из V и VII разделов) и Фэн Цзя-шэном, издавшим в 1951 г. около

¹ См.: Histoire de la vie de Hiouen-thsang. Trad. du chinois par St. Julien. P., 1853; S. Beal. The Life of Hsuan-tsang. L., 1911; The Life of Hsuan-tsang. Transl. from the Chinese by Li Yung-hsi. Peking, 1959.

² См.: Hüen I; Hüen II; R. R. Arat. [Ред. на:] Dr. A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. Bruchstücke des 5. Kapitels.— SPAW. VII. 1935.— «Türkiyat mecmuası». Cilt V. Istanbul, 1936, с. 333—339; D. Sinor. A propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang.— JA. T. 231. 1939/42, с. 543—590.

двух с половиной сотен фрагментов из пекинского собрания³. В настоящем издании впервые публикуются фрагменты из V раздела памятника, представляющие заключительную часть описания путешествия Сюань-цзана.

Рукопись написана строгим, книжным почерком, характерным для уйгурского письма раннего периода (X—XI вв.). Форма книги — потхи; текст размещен на обеих сторонах листа — по 27 строк на каждой странице. Края страниц сильно повреждены. Размер листа, определяемый приблизительно, равен 43×18 см; верхе — 4 линии в 1 см. Рамка и графление выполнены красной тушью; ширина рамки — 14 см. Отверстие — одно на листе — обведено красным кругом (диаметр — 4,5 см) и разрывает три строки текста. Элементы строк на этих участках текста разнесены по двум сторонам круга в соответствии с общими принципами словоразграничения, принятыми в уйгурском письме. Эта особенность в оформлении текста в транскрипции не отражена. В ряде случаев в транскрипции текста представлены строки (см. лл. 2б, 9а, 15б) и знаки (лл. 11б, 13б, 14б и др.), отсутствующие в факсимиле. Эти строки и знаки утрачены впоследствии из-за ветхости краев в результате перемещений рукописи и ее реставрации. Шифр рукописи — SI Uig 3.

Внешние данные рукописей, привлекаемых в предшествующих изданиях⁴ и в настоящем издании, совпадают вплоть до характера повреждения бумаги, из чего можно заключить, что издаваемые фрагменты являются разрозненными частями одной и той же рукописи. Но окончательное суждение об этом, по всей видимости, будет вынесено в результате дальнейших исследований с привлечением всего имеющегося материала.

По мнению А. фон Габен и Р. Р. Арата, перевод биографии Сюань-цзана на уйгурский язык осуществлен в первой половине X в.⁵ в г. Бешбалыке — одном из культурных центров уйгурского государства Кочо. Предположение это основано на том, что название восточной столицы Танской империи — г. Лояна — в уйгурском тексте передается в форме *laŋki*, отождествляемой с другим названием этого города — Лоцзинь, употреблявшимся в короткий период царствования династии Хоу Тан (923—936), и могло быть использовано в уйгурском тексте в тот самый период. Датировка эта подтверждается также внешними данными рукописи — характером бумаги, почерка и пр.

Как зафиксировано в колофоне (см. 16а 11—14), это сочинение перевел с китайского языка на тюркский Сынгку Сели-

³ Фэн Цзя-шэн. Хуйгу вэнь пуса да-тан саньцзан фаши Чжуан. Пекин, 1951.

⁴ Ср.: Hüen I, с. 6.

⁵ См.: Hüen I, с. 4; R. R. Arat. [Рец. на:] Dr. A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsang, с. 334.

тудун, перу которого принадлежит также перевод на уйгурский язык текста сутры *Suvaṅgarabhāsa* и других сочинений⁶. В отличие от авторов более позднего времени, авторское самосознание которых уже развито настолько, что они считают необходимым не только указать свое имя, но и подчеркнуть особое достоинства своего сочинения⁷, авторы и переводчики древней уйгурских сочинений, как правило, не идут дальше фиксации своих имен и титулов. В этом отношении колофон к уйгурскому переводу «Биографии»⁸ можно расценивать как один из наиболее содержательных, так как в нем помимо имени переводчика и его титула содержатся сведения о его образовании (*boşutluç* 'образованный', 'ученый') и местожительстве (*biş balıq-lıç* 'бешбалыкский'). Последнее особенно важно ввиду того, что указывает на прямую связь переводов Сынгку Сели-тудуна с литературой гаочанских уйгуров X в.

Был ли Сынгку Сели военным наместником округа, как свидетельствует его титул (*tutuç*), остается неизвестным, но из его переводов явствует, что он был человеком образованным. О его образовании говорят, в частности, безупречное владение всей системой словесно-художественных приемов, принятых в той среде в ту эпоху; точные идентификации иноязычных названий, терминов, топонимов и пр.; знание и развернутое изложение легенд; особенности его индивидуального творческого стиля и др. Перевод «Биографии», так же как и перевод сутры *Suvaṅgarabhāsa*, при всей точности передачи общего смысла, нельзя назвать переводом в полном смысле этого слова. По подсчетам Ш. Текина⁹, примерно одну шестую часть текста сутры «Алгун ярук» составляют дополнения от переводчика. Встречаются такого рода дополнения и в публикуемом разделе «Биографии». Как наиболее значительные среди них можно отметить легенды об основании г. Хотана (5а 9—6б 14) и о происхождении его правителя (6б 25—7б 16). Ценные сведения, не содержащиеся в китайском оригинале, заключены также в разбросанных по тексту небольших вставках

⁶ См.: Ş. Tekin. Uygur bilgini Siŋku Seli Tutuŋ'un bilinmeyen yeni bir çevrisi üzerine.— «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten». Ankara, 1966, с. 32.

⁷ Ср.: ...çin-ü maçin 'alimleri ve hakimleri qamuy ittifaq boldılar kim meşrik vilayetinde qamuy türkistan illerinde buyra han tilinçe türk lûyatınce bu kitabdin jaşırağ hergiz kim erse tasnif qılmadı «...ученые и мудрецы Верхнего и Нижнего Китая единодушны [в том], что в странах Востока и во всем Туркестане на языке Богра-хана на тюркском наречии лучше этой книги никто никогда не сочинял» (R. R. Arat. Kutadgu bilig. I. Istanbul, 1947, с. 1—2, стк. 12—15).

⁸ Ср. также: jänä bu biş çöbdik käljük buljanjuç ötdä qolu-ta kinki boşutluç biş balıq-lıç siŋqu säli tutuç tavvaç tilinil türk ujuur tilinçä ikiläjä ävir-miş «Снова в это беспокойное время пришествия пяти смут (=санскр. pañca-kasāya) позднейший бешбалыкский ученый Сынгку Сели-тудун повторно перевел с китайского языка на тюркский — уйгурский» (AJ 674 1—9).

⁹ Ş. Tekin. Uygur bilgini Siŋku Seli Tutuŋ'un bilinmeyen yeni bir çevrisi üzerine, с. 30.

и замечаниях переводчика [ср. сообщение о разрушении Хотана (86 16—17) и использовании хотанцами двух видов письменности (46 7—12)]. С точки зрения изучения древнеуйгурского языка и литературы такого рода дополнения равнозначны оригинальным текстам.

Публикуемые фрагменты содержат описание обратного пути Сюань-цзана из Индии, включая его переход через Памир по перевалам в районе Ташкургона, Тагдумбаша, Музтаг-Ата, путешествие по караванному пути, пролежавшему по южной части пустыни Такла-Макан, через города Яркенд, Хотан, Бхима, Ния и др. и вдоль оз. Лобнор, и прибытие его в Сиань. Кроме того, в этом же разделе содержится письмо Сюань-цзана к китайскому императору с кратким описанием всего маршрута его путешествия в Индию. В общей сложности в нем упомянуто около тридцати географических названий. Благодаря тому что переводчик не идет по пути простой транслитерации собственных имен, названий, топонимов, этнонимов и пр. с китайского письма на уйгурское, а идентифицирует их с тюркскими, санскритскими и прочими названиями (в том случае, если они не являются китайскими по происхождению), из текста устанавливаются оригинальные названия ряда географических пунктов Средней и Центральной Азии. Мы узнаем отсюда, например, что название знаменитого прохода из Балха в Самарканд, известного под названием «Железные ворота» (temir qarǵı), до которого ходили войной Кюль-тегин и Билгекаган¹⁰, в уйгурской литературе остается идентичным его названию в древнетюркских рунических текстах VIII в. С другой стороны, названия городов qoçu 'Кочо', udun 'Хотан', kūsān 'Куча' в аналогичной форме зафиксированы в памятнике более позднего времени — Словаре Махмуда Кашгарского¹¹. Общие принятыми в уйгурской литературе того времени были, по-видимому, китайские по происхождению топонимы типа: šačiu 'Шачжоу', kičiu 'Цзинчжоу' и др.¹² В тексте встречаются два этнонима: toxǵı 'тохары' (15a 7) и soǵdaq 'согдийцы' (46 5). Последний совпадает по своему фонетическому облику с этнонимом, встречающимся в орхонских рунических памятниках¹³, и соответствует в переводе китайскому слову ху 'варвар'. Столь конкретная интерпретация китайского слова, по всей видимости, явилась следствием того, что термин ху когда-то применялся по отношению к согдийцам¹⁴.

¹⁰ См.: КТ6 39.

¹¹ МК I 76, 404; III 238.

¹² Ср.: G. Hazai und P. Zieme. Fragmente der uigurischen Version der «Jin'gangjing mit den Gāthās des Meister Fu».—«Berliner Turfantexte». I. B., 1970 (Schriften zu Geschichte und Kultur des alten Orients, 3), с. 18.

¹³ См.: Тон 46; КТ6 31, 39.

¹⁴ См.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 93; E. G. Pulleyblank. A Sogdian Colony in Inner Mongolia.—TP. Vol. 41. 1952, с. 317—356.

«Биография» не является сочинением религиозно-буддийским в собственном смысле слова, и это обстоятельство позволило переводчику избежать в изложении терминологической насыщенности и оторванного от повседневной реальности «высокого» стиля, характерного для сочинений абстрактно-религиозного содержания. Неуместными здесь оказались и стандартные формулировки, штампы и трафареты языка деловой письменности. Перевод изложен живым, образным и в то же время ясным и точным языком без большого числа лексических заимствований из других языков. В целях усиления экспрессии в изложении нередко используется прием ритмизованной прозы:

irkłätim liuša saj-ıy : suv jaltrıqı jaltrı[maj]uı :
jorıdım qarlııy artıy idizidiz-ig
tämır qarıy tilgılig joluı :
isig köl ärkäçl[än]ür oruquı :

'Я преодолел пустыню люша (сыпучую пустыню), где
не [увидеть] блеска воды.
Я прошел через высочайшие снежные хребты;
[прошел] по дороге, называемой Железные ворота,
по пути, где плещутся [волны] Иссык-Куля' (126 8—13);

saçtı uş tatııy sıun-lar bärkintä
jarutdı nom ärdini-ig q(a)ra quş sägir-lig taı-da

'Он рассыпал сладкую росу в Оленьем парке,
засветил драгоценную жемчужину Мани на скалистой
Орлиной горе' (10a 4—7).

Стихотворные отрывки, встречающиеся в других разделах текста, вводятся, как правило, словами šlok, taıšut 'стих'. Особым способом усиления экспрессии, по всей видимости, служит также использование синонимических сочетаний (ср.: öd ärig 'совет', balıq kánt 'город', uguş tütüş 'ссора, распри', çoı jalın 'сияние, блеск' и др.); возможности богатой синонимии древнеуйгурского языка переводчик широко использует в качестве стилистического средства. По наблюдениям С. Чагатай, например, в переводе сутры «Алтур ярук» вместо одного китайского слова в значении «сын» использованы четыре уйгурские лексемы: oıul, adaj, ögük, kenç¹⁵.

Являясь эпическим повествованием (kavi nom bitig, 16a 16) о событиях, пережитых и рассказанных их участником, «Биография» сближается в стилистическом отношении с орхонотюркскими текстами и может служить удачным материалом для сопоставительного изучения орхонотюркского и древнеуйгурского литературных языков.

¹⁵ S. Ş. Çagatay. Altun yaruktan iki parça. Ankara, 1945, с. 19.

Как свидетельствуют письменные источники, авторы и переводчики древнеуйгурских сочинений, язык, на котором они пишут, по большей части называют «тюркским» (türkçä, türk tilinçä)¹⁶. Определяя же свой этно-политический статус, они используют другие термины, в частности термин *op ujuur*¹⁷, и это расхождение в терминах дает основание для предположения, что в древнеуйгурском обществе существовало понятие литературного языка, отличного от народного. И в самом деле, древнеуйгурский язык отличается высокой степенью нормализованности, являющейся отличительной чертой литературных языков. Вместе с тем обращение к языковому материалу разных источников показывает, что их языковой состав неоднороден. Характер распределения и функционирования конститутивных средств языка позволяет установить, что литературный язык эпохи уйгурского каганата в уйгурском обществе государства Кочо постепенно преобразовывался под воздействием местных диалектов, в результате чего сложился новый литературный язык¹⁸.

Особенности графики и орфографии

Для уйгурского письма рассматриваемой эпохи в целом характерно стандартное начертание слов, свидетельствующее о разработанности норм графики и орфографии, что не исключает, однако, частных отступлений от общепринятых норм в отдельных текстах. Настоящий текст в этом отношении отличается следующими особенностями:

1. Переднерядный *ü*¹⁹ в некоторых односложных словах соответствует по написанию и заднего ряда и изображается в виде одной петли без зубца (JUZ 'сто' 2а 25, 2б 3, ср.: Matrisimit, с. 14).

2. В одних и тех же словах гласный может быть выписан или опущен, если эта графема не несет смысловозначительной функции (ср.: JRLI 'приказ, распоряжение'— 15б 11, JRLF— 15а 22, в отличие от TÄG 'как, подобно'— 3а 13, 15а 5, противопоставленного ТК 'только, лишь'— 10б 25).

3. В одних и тех же словах во втором и последующих слогах могут варьироваться гласные огубленные и неогублен-

¹⁶ Matrisimit, с. 15; Hüen II, с. 20; Uig I, с. 14 и др. Исключение составляют некоторые колофоны в поздних списках сутр, в которых язык перевода назван «тюркским — уйгурским» (türk ujuur tili).

¹⁷ Ş. Tekin. Uygur bilgini Sıfku Seli Tutuñ'un bilinmeyen yeni bir çevrisi üzerine, с. 31; J. Hamilton. Toquz-Uyuz et On-Uyur.— JA. T. 250. 1962, с. 21—45.

¹⁸ См.: Л. Ю. Тугушева. Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие.— «Тюркологический сборник. 1974». 1978, с. 114—124.

¹⁹ Строчные буквы обозначают транскрипционные знаки, прописные — знаки транслитерации.

ные: soltın (15б 6), soltun (9а 11); arqış (13б, 16), arquş (7б 6) и др. Это явление свидетельствует о нерегулярном характере гармонии гласных в древнеуйгурском языке, исходя из чего можно предполагать, что противоречие между двумя функциями гармонии гласных — словоразграничительной и смысловозначительной²⁰, наблюдаемое в некоторых современных тюркских языках, имело место и в древнеуйгурском языке.

4. Долгий *ü* передается с помощью сочетания UU (две петли без зубца): SUU 'войско' (8а 12, 8а 14); KUU 'молва' (7б 24).

5. Для передачи согласных *q*, *γ*, *ʒ* используются два знака: Q с двумя точками слева (наверху) для *q* и тот же знак без точки для передачи щелевых *γ*, *ʒ*. Использование того или иного знака не определяется их позицией; оба знака встречаются в начальном, финальном, интервокальном положении, в сочетании с глухими и звонкими согласными и т. д., хотя в целом нормы их распределения в достаточной мере отрегулированы, что выражается в стереотипности написания отдельных слов. В словах *oγur*, *taγ*, *ʒan*, *jarliγ*, *oγta*, *ʒua*, *buγan*, *arγant* и др. по большей части пишется знак *Γ*, в словах *qaraq*, *joq* и др.— Q. С этой точки зрения примечательно начертание слов *γupci* 'принцесса' и *ʒaγin* 'чрево', выписанных в этом тексте со знаком *Γ*. Наряду с этим нередко случаи чередования их в одном и том же слове: *anč(a)γinča* (13б 14, 15б 17) // *anč(a)qinča* (3а 16) 'между тем, тем временем'; *tavqač* (5а 26, 5б 2) // *tavʒač* (1а 18, 16а 11) 'Китай, китайский' и др., которые говорят о несущественном характере противопоставления в этих позициях по признакам смычность—щелинность, глухость—звонкость.

6. Аналогичным образом чередуются также знаки T, D, которые взаимозаменяются как в основах слов, так и в аффиксах (ср.: *it*— 5а 15, 11б 10 // *id*— 9а 3, 15б 13 'посылать'; *ad*— 4б 20 // *at*— 9б 12, 10а 24 'имя, название'; *öpäd*— 14а 27 // *öpät*— 7б 26 'поправляться, выздоравливать'; *oγur-da*— 16 8 // *oγur-ta*— 5б 10 'во время'; *oγatı*— 6а 10 // *oγadı*— 8а 15 'собирался, намеревался'; *körtäči*— 9а 24 // *kördäči*— 8б 20 'видящий, смотрящий'; *taγ-da*— 10а 7 // *taγ-ta*— 1а 12 'на горе' и др.). Но в их распределении прослеживается некоторая закономерность:

а) в начале слов, за исключением заимствованных, всегда пишется знак T;

б) в аффиксах локатива и аблатива, начинающихся с *t*//*d*, знак T пишется при сочетании с основами, оканчивающимися на сонорные *n*, *ŋ*, *l*, *r*: *boltum* 'я был' (10а 26), *qaripinta* 'в чреве' (8а 4), *ilintä* 'в их стране' (4а 25), *jir-tä* 'в [том] ме-

²⁰ Г. П. Мельников. Причины нарушений симметрии в киргизском вокализме.— Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970, с. 151.

сте' (126 22), buluqtin 'со стороны' (36 25), jil-ta 'в году' (26 3), biltäci 'знающий' (136 24), antaqi 'тамошний' (136 23); в некоторых случаях допускаются исключения из этого правила [ср.: jirdä 'на расстоянии'— 2а 25, tojïnlarda 'у монахов'— 136 23—24, saqram-da 'в монастыре (сангхараме)'— 9а 14];

в) к основам, оканчивающимся на Т, присоединяются аффиксы с начальным D, и, наоборот, к основам с конечным D присоединяются аффиксы, начинающиеся на Т: äsidtükta 'когда он услышал' (36 11), bütdükta 'когда был завершен' (106 19) и др.

7. п и ä графически не различаются.

8. Один знак К используется для передачи смычного глухого k и звонкого щелевого g.

9. ž, в отличие от z, пишется с двумя точками справа (внизу): abiž-ik 'посвящение' (8а 21), ažun 'существование, перерождение' (8а 25).

10. s и š, для передачи которых в уйгурском письме существуют два знака, в настоящем тексте не различаются. Исключение составляет начертание санскритского по происхождению имени ašoki на л. 5а 6, в котором знак š отмечен двумя точками справа (внизу). Из этого следует, что переписчику текста графема Š была известна, но применение ее, по-видимому, было факультативно.

Распределение отдельных знаков свидетельствует о перенесении в уйгурское письмо некоторых норм орфографии непосредственно из рунического²¹.

Транскрипция текста выполнена на основе системы, сочетающей в себе фонологическую интерпретацию с относительно точным отражением графики текста, которая к настоящему времени в уйгуроведении стала общепринятой. Но надлежит отметить, что знаки ä, i; q, γ; t, d переданы в данном случае в соответствии с графикой текста без элементов фонологической интерпретации.

Пунктуация

В тексте используются два знака препинания, изображаемые в виде двух точек, расположенных одна под другой (при вертикальном письме), и четырех точек. Судя по тому, что эти знаки служат для выделения строго определенных типов сегментов, можно сделать вывод о существовании норм их применения. Знак двоеточие отделяет:

²¹ Ср.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 70; Э. Р. Тенишев. Перебой s/š в тюркских рунических памятниках.— Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 289—295.

1) одно предложение от другого независимо от того, завершается ли предложение сказуемым или каким-либо иным членом предложения с зависимыми элементами или без них, как, например, группой подлежащего или дополнения; отступления от этого правила встречаются лишь в единичных случаях (см. 9а 12, 15а 23);

2) придаточные предложения (условные, временные, вводимые союзным словом ärkän, формой деепричастия на -^o и др.) от главного;

3) слова и выражения, вводящие прямую речь (sözlädi, kinginç birti, ajdi и др.), от прямой речи;

4) однородные члены предложения один от другого и, реже, от стержневого слова, которому они подчинены.

Лишь в одном случае знаками препинания выделена группа подлежащего (156 27) и в двух случаях определение отделено от определяемого (126 10, 16а 21—22, 166 2). Придаточные предложения, вводимые глагольными и отглагольными именами, знаками препинания не отделяются (ср.: saqram bütdükta udun yan ikiläjü jana ötünti 'когда монастырь был закончен, правитель Удуна вторично обратился [к архату]'— 106 19—21; jir ämigin ämmiş-kä anın [anča] timiş ol 'вскормлен грудью земли, поэтому так называли'— 46 25—26).

Для возможных сопоставлений в качестве приложения к тексту приводится перевод китайского оригинала по Трипитаке годов Тайсэ, выполненный Л. Н. Меньшиковым, с его примечаниями. Консультациями Л. Н. Меньшикова по китайской части я имела возможность пользоваться в процессе работы и считаю своим долгом выразить ему искреннюю признательность.

Л. Ю. Тугушева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Транскрипция	12
Перевод	32
Комментарии	53
Морфологический комментарий	64
Указатели	80
Указатель слов	80
Указатель географических названий, встречающихся в уйгурском тексте	127
Приложение (<i>составлено Л. Н. Меньшиковым</i>)	128
Факсимиле	139
Список сокращений	173